

Представления Запада о Советском Союзе в 1945 году

Робертс Джеффри

В 1945 году отношение на Западе к Советскому Союзу было, по большей части, позитивным. В глазах Запада СССР был государством, нанесшим решающий удар по гитлеровской Германии. Смелостью и самоотверженностью Красной Армии, спасшей Европу от нацистского господства, восхищались. Победы Жукова и других советских военачальников приводили западные СМИ и общественность в восторг, который достиг высшей точки с захватом Советской армией Берлина в мае 1945. Считалось, что без участия СССР невозможно установление прочного долговременного мира. Более того, на Западе доверяли Сталину. Его считали дальновидным и мудрым главой государства, а советский режим умеренно авторитарным и в политическом смысле не столь далеким от идеалов западных либеральных демократий.

Благоприятное отношение к Советскому Союзу имело место на Ялтинской и Потсдамской конференциях, проведение которых предвещало новый мировой порядок. В результате Ялтинской конференции в советско-западных отношениях возникли некоторые трения, которые были вовремя улажены к началу конференции в Потсдаме. После нее, однако, отношения между СССР и Западом значительно ухудшились, что доказал провал первой встречи Совета министров иностранных дел, состоявшейся в Лондоне в сентябре 1945 года. СМВД был создан специально для выработки условий послевоенного мирного урегулирования, но лондонское заседание завершилось безрезультатно: стороны не смогли прийти к согласию по вопросу признания правительств Болгарии и Румынии, которые находились под контролем коммунистов. Тем не менее, министры иностранных дел США, Великобритании и СССР возобновили сотрудничество к началу следующего заседания СМВД, состоявшегося в декабре того же года в Москве.

Прежде, чем дружба стран-победительниц обернулась «холодной войной», должно было пройти еще полтора года. На Западе все чаще стали звучать голоса критиков и непримиримых противников Советского Союза, что отрицательно сказалось на общественном мнении. Тем не менее, понадобилось еще несколько лет активной антисоветской пропаганды, чтобы

настроить западную общественность решительно против СССР. И, даже несмотря на это, отношение к СССР на Западе вновь резко изменилось, когда после смерти Сталина в 1953 году Советский Союз начал проводить кампанию за прекращение «холодной войны». Эта кампания принесла определенные успехи: к середине 1955 года число поборников создания общеевропейской системы безопасности (при участии СССР) превышало число сторонников НАТО.

Оптимистические ожидания Запада по отношению к Советскому Союзу впервые возникли в период Великой Отечественной войны. Когда в июне 1941 года Германия напала на СССР, по всем странам-союзникам прокатилась волна солидарности и сочувствия к Советскому Союзу. Упорная борьба Красной Армии с нацистами дала надежду на спасение и веру в возможность окончательной победы коалиционных сил. В Великобритании были созданы тысячи общественных организаций, которые занимались сбором средств для помощи СССР. Советские делегации, приезжавшие в Британию, встречали радужные и гостеприимство. Была развернута активная кампания по открытию второго фронта во Франции. К экономическим, социальным и политическим достижениям Советского Союза относились с таким же уважением, как к военным подвигам Красной Армии. За годы войны численность и влияние Коммунистической партии Великобритании достигли небывалых ранее масштабов. Казалось, у КПВ есть все условия для того, чтобы играть важную роль в политической жизни Британии и после войны. На деле, однако, наибольшую выгоду из симпатии, которую британский народ испытывал к Советскому Союзу во время войны, извлекла Лейбористская партия. Во многом за счет того, что лейбористы в то время ассоциировались со всем советским, они одержали победу на выборах 1945 года, в результате которых Черчилль потерял власть.

Позитивное отношение населения к Советскому Союзу можно было наблюдать и в других странах, включая Соединенные Штаты. На самом деле значительная часть американцев по-прежнему относились к СССР критически и скептически, однако большинство все

же придерживалось лестного мнения о Советском Союзе, типичного для американских СМИ во время войны. Просоветские настроения подогревались пропагандистской деятельностью Советского информбюро. За годы войны Совинформбюро распространило среди 3000 западных СМИ около 300 тысяч статей и фотографий. Содержавшаяся в них информация на 90% была посвящена военной тематике, однако имело место и освещение других аспектов жизни советского народа.

За время войны западные политические элиты также стали относиться к СССР теплее. В Великобритании возникла вера в то, что с Советским Союзом можно сотрудничать. Это была, по выражению Мартина Фолли, гипотеза, представлявшая «СССР как партнера». Подразумевалось, что в результате войны сущность советского режима сильно изменилась: он якобы стал более либеральным, более человеколюбивым и даже более капиталистическим, иными словами, Советский Союз становился все больше похожим на Запад — по меньшей мере, потенциально. На этом мнении основывалось советско-западное послевоенное сотрудничество.

Важную роль в возникновении формулы «СССР как партнер» сыграло восприятие Сталина как прагматика и реалиста, который стремился к долговременному сотрудничеству с Западом, чтобы обеспечить сдерживание Германии и послевоенное восстановление инфраструктуры СССР. Среди представителей британского истеблишмента, пишет Мартин Фолли, установился консенсус по поводу формулы «СССР как партнер». Несмотря на то, что во время «холодной войны» Черчилль дистанцировался от просоветских и просталинских взглядов, которые разделял во время Второй мировой войны, формулу «СССР как партнер», отмечает Фолли, он поддерживал.

В Соединенных Штатах времен президента Рузвельта существовала похожая ситуация: многие рассчитывали на установление долговременных отношений с СССР. Согласно опросам общественного мнения, в 1945 году 75% американцев придерживались мнения, что СССР мог бы стать надежным партнером США в деле поддержания послевоенного миропорядка. Даниель Ергин назвал такую точку зрения «Ялтинскими постулатами». В США тезис о конвергенции Соединенных Штатов и Советского Союза подкреплялся утверждением, что обе страны возникли в результате революции и активно выступали против империализма и колониализма. Хотя СССР по-прежнему рассматривался как авторитарное государство, диктатура Сталина в глазах американцев была неизбежным и временным отклонением от пути к идеалам западной либеральной демократии, вызванным жесткостью войны и необходимостью противостоять Гитлеру. Оправдывался даже сталинский террор: считалось, что таким образом Сталину удалось очистить страну от «пятой колонны» и диктаторской хваткой сплотить страну.

Однако ближе к концу войны просоветские настроения на Западе стали уступать место настроенности. Было неясно, насколько влиятельным останется Советский Союз после войны. Растущая в Европе популярность коммунизма сеяла сомнения в том, что СССР — даже с учетом роспуска Коминтерна в 1943 году, — отказался от идеи мировой революции. По мере продвижения Красной Армии на запад некоторые ее действия вызвали озабоченность. Наиболее тревожными были многочисленные сообщения о массовых изнасилованиях красноармейцами немецких женщин и неоказание Красной Армией поддержки Варшавскому восстанию в августе 1944. Политическую и дипломатическую напряженность усиливали и споры, связанные с учреждением ООН, послевоенной судьбой Польши, подавлением Великобританией партизанского движения греческих коммунистов и деятельностью оккупационных режимов. Впоследствии значение этих размолвок было многократно преувеличено, чтобы создать впечатление, будто «холодная война» началась сразу по окончании войны «горячей».

Однако на тот момент и население, и правящие круги на Западе по-прежнему положительно относились к сотрудничеству с Советским Союзом. Об этом свидетельствует успех Ялтинской и Потсдамской конференций и учреждение ООН в июне 1945. Соглашения были достигнуты и по многим аспектам оккупационной политики в Германии, включая судебный процесс над высокопоставленными нацистами, который состоялся в Нюрнберге в 1946 году. С учетом существовавшего на Западе в 1945 году отношения к СССР, можно с уверенностью сказать, что имелись все предпосылки к тому, чтобы сотрудничество между странами коалиции продолжилось и после победы. За долгие годы «холодной войны» эта основополагающая истина была забыта. Способствовало этому и поведение западных политиков, которые усиленно пытались создать впечатление, будто всегда ставили под сомнение возможность сотрудничества с Советским Союзом и даже предвидели «холодную войну».

С 1945 года при формировании советских представлений об отношении Запада к СССР принимались во внимание, как правило, только негативные аспекты. Анализируя политическую ситуацию на Западе, советские комментаторы подчеркивали рост враждебности к СССР со стороны западных СМИ и политических элит. Подобные комментарии находили отражение в оценках Совинформбюро и статьях во внутреннем бюллетене ЦК «Вопросы внешней политики», который стали издавать в конце 1944 года. Благодаря успехам Ялтинской и Потсдамской конференций советские пессимистичные оценки отношений с Западом какое-то время не получали широкого хождения. Однако они стали преобладать после провала заседания СМВД в сентябре 1945 года, который был воспринят очень негативно и вынудил Сталина занять жесткую позицию в отношении

■

западных государств. Напряженность спала после успеха Московской встречи министров иностранных дел в декабре 1945 г. На этом заседании СМВД были возобновлены переговоры по проблемам мирных договоров, достигшие кульминации на Парижской мирной конференции летом 1946 г.

Но наихудшие опасения Советского Союза по поводу распространения на Западе антисоветских настроений в очередной раз подтвердились, когда в марте 1946 года Уинстон Черчилль произнес пресловутую фултонскую речь. Здесь стоит отметить, что хотя Черчилль и призывал занять по отношению к СССР жесткую позицию (а такая точка зрения еще годом ранее получила распространение среди западных политических деятелей), в его речи не было призыва к «холодной войне». Не было там и подстрекательств к развертыванию антикоммунистической кампании, хотя Сталин именно так интерпретировал высказывания Черчилля. Фактически Запад объявил СССР «холодную войну» только год спустя, когда в марте 1947 года была озвучена доктрина Трумэна. Но в марте 1946 г. ситуация представлялась Советскому Союзу иначе, и советская внешняя политика все больше обуславливалась страхом перед недобрыми намерениями западных политических деятелей в вопросах послевоенного урегулирования.

Таким образом, мы сталкиваемся с парадоксом. На Западе отношение к Советскому Союзу было далеко не таким враждебным, как думали в СССР. Напротив, во многих отношениях оно было позитивным и стало ухудшаться только в 1946–1947 гг., вплоть до распада коалиции. Однако уже начиная с осени 1945 года поведение СССР все больше определялось представлениями о враждебности Запада, что привело к неуступчивости Советского Союза в вопросах внешней политики. Следствием этого стали чрезмерная и временами агрессивная напористость и негибкость СССР, что, в свою очередь, обеспокоило Запад и подогрело наихудшие опасения западных политиков и общественности.

Мораль этой басни заключается в том, что, если бы обе стороны правильнее оценили намерения друг друга, они смогли бы подавить свои обоснованные страхи и опасения и избежать «холодной войны». По крайней мере, ее удалось бы смягчить. С некоторой долей условности, можно провести параллель с современностью. Сегодня, 65 лет спустя, мы наблюдаем похожую ситуацию: Россия преувеличивает масштабы западной враждебности. В результате российско-западные отношения ухудшаются, что позволяет некоторым западным политикам говорить о новой «холодной войне».